

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАЦИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-80-100

КОНТРОЛОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Т.В. Шипунова, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034*

Статья имеет целью рассмотрение возможностей использования контролологической (критической) перспективы в анализе социального контроля преступности. Автор раскрывает основные положения новой социологии социального контроля или, иначе, контролологии, получившие поддержку в современных концепциях социального контроля. Показано отличие контролологических представлений от классического правового дискурса. Оно, в первую очередь, касается восприятия институционального насилия государственных институтов противодействия преступности и обеспечения безопасности. Дискуссии, отражающие критическое видение контроля преступности, развиваются по трем основным направлениям. Первое касается рассмотрения контроля не только в качестве инструмента поддержания установленного государством порядка, но и в аспекте его негативных последствий для индивидов и общества. Рассмотрены вопросы, связанные с избирательным контролем деятельности лиц, имеющих определенный статус во власти и влияющих на конструирование правового поля. Второе направление связано с анализом целей социального контроля. Представлены способы сегрегации лиц, в отношении которых вынесено обвинительное заключение. В отношении них реализуется принцип поведенческой гомогенности, который проявляется как в определенном профессиональном «обхождении» с заключенными, так и в возбуждении у населения стойкого негативного отношения к ним. Рассматривается вопрос о социально-культурной виктимизации заключенных. В третьем направлении прослеживается критическое восприятие предмета деятельности агентов контроля преступности. Здесь в центре внимания исследователей находится понятие «надежность», которое дискутируется применительно к оценке рисков преступности, средств обеспечения безопасности и правомерности действий агентов контроля. Основные положения и выводы в статье подкреплены статистическими данными и результатами различных исследований.

Ключевые слова: контролология, преступность, безопасность, надежность, риски, сегрегация, социально-культурная виктимизация.

* Шипунова Татьяна Владимировна, e-mail: shtatspb@yandex.ru

CONTROLOLOGICAL PERSPECTIVE FOR A STUDY OF SOCIAL CONTROL OF CRIME

Shipunova Tatyana V., Dr. Sociol. Sciences, Associate Professor, Prof. Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, Russian Federation, 199034

The article aims to consider the possibilities of using the controlological (critical) perspective in the analysis of social control of crime. The author reveals the main provisions of the new sociology of social control, or, in other words, the controlology. These provisions have received support in modern concepts of social control. The article shows the difference between controlological representations from the classical legal discourse. This difference, first of all, concerns the perception of institutional violence of state institutions for combating crime and ensuring security. Discussions, which reflect a critical view of crime control, unfold along three main lines. The first one concerns the consideration of control not only as a tool for maintaining the order established by the state, but also in terms of its negative consequences for individuals and society. The issues related to the selective control of the activities of persons holding a certain status in power and influencing the design of the legal field are considered. The second direction is associated with the analysis of the goals of social control. The methods of segregation of persons against whom the indictment has been issued are presented. In relation to them, the principle of behavioral homogeneity, which manifests itself both in a certain professional "treatment" with prisoners, and in arousing a persistent negative attitude towards them among the population, is implemented. The issue of social and cultural victimization of prisoners is considered. In the third direction, a critical perception of the subject of the activity of crime control agents is traced. Here, the focus of researchers is on the concept of "reliability", which is discussed in relation to the assessment of crime risks, security means and the legality of actions of control agents. The basic provisions and conclusions in the article are supported by statistical data and the results of various studies.

Key words: controlology, crime, security, reliability, risks, segregation, socio-cultural victimization.

Конструктивистские теории рассматривают социальный контроль девиантных явлений как централизованный и спонсируемый государством процесс, имеющий почти исключительно угнетающий характер. Такая перспектива называется новой социологией социального контроля или "контрологией"¹. Данное определение социального контроля привело к расширению и углублению представлений о безопасности, которая должна обеспечиваться в процессе противодействия разным формам девиантности, включая преступность.

Несмотря на то что контрология не оформилась как самостоятельная научная дисциплина и остается в статусе относительно самостоятельной перспективы или подхода, ее научный и исследовательский потенциал подтвержден многочисленными трудами

¹ Goode E. Deviant behavior. N.Y., 2016. P. 75.

авторитетных зарубежных авторов². Вместе с тем в отечественной литературе, затрагивающей проблемы контроля и особенно “борьбы” с преступностью, данное критическое осмысление реальных практик остается большей частью вне поля зрения ученых. Исследователи останавливаются преимущественно на традиционном анализе концепций и практик наказания, не концентрируя внимания на негативных последствиях контроля и его влиянии на воспроизводство преступности/девиантности. Поэтому исследовательской задачей в статье является демонстрация возможностей применения контролологической перспективы при изучении социального контроля преступности. Для подтверждения отдельных положений в статье использован анализ статистических данных и вторичный анализ результатов исследований.

Идейные основания новой социологии социального контроля (контролологии)

Контролологическая перспектива восходит к идеям М. Фуко, который в своих трудах демонстрирует становление и распространение государственного контроля как инструмента насилия и тотального надзора за поведением и деятельностью людей. Фуко анализирует комплекс “власть — знание”, порождающий манипулятивные дискурсивные практики, нацеленные на “нормализацию” индивидов и их дисциплинирование в системе специально созданных социальных институтов. Он считает, что “надо избавиться от иллюзии, будто уголовно-правовая система является главным образом (если не исключительно) средством борьбы с правонарушениями”³. Напротив, “установление правонарушений и их пресечение направлены... на поддержание карательных механизмов и их функций”⁴, т.е. на самовоспроизводство и воспроизводство надзора. Власть, реализованная через повседневные практики надзора, тренировки, анализа индивидов и их оценки, постоянно поддерживает отношения доминирования и подчинения.

Фуко является, пожалуй, одним из самых цитируемых авторов. На него ссылаются представители всех социогуманитарных дисциплин, вычлняя то важное, что раскрывает их предмет изучения. Так, юристы-правоведы, проецируя положения Фуко на современную государственно-правовую реальность, делают акцент на естествен-

² См., напр.: *Кристи Н.* Опасные государства (опасные режимы) // Политический режим и преступность. СПб., 2001. С. 22–38; *Garland D.* The culture of control, crime and social order in contemporary society. Chicago; Oxford, 2001.

³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 2018. С. 33.

⁴ Там же.

но-историческом процессе развития институтов дисциплинирования, что как бы снимает недостатки, сопровождающие контроль. С их точки зрения, данный способ властвования “призван не карать и устрашать, а приучать” к дисциплине, что объясняет “появление в Новое время гуманности и мягкости наказаний”. Карцерный архипелаг «дает возможность рассматривать девиантов (включая преступников) не как отбросы общества, а как индивидов, находящихся “внутри” особого института этого общества — пенитенциарной системы»⁵. К тому же некоторые критики фуколианской перспективы анализа утверждают, что она умалчивает о принципиальном отсутствии более мягких проявлений современной бюрократии⁶.

Приведенные выводы в статье криминологов-юристов действительно включены в рассуждения Фуко. Вместе с тем избегание сложных вопросов, вскрывающих отношения “власть — подчинение”, которые анализирует Фуко, существенно сглаживает остроту проблем, сформулированных автором. Так, из поля зрения исчезает институционализированное насилие государства, направленное на поддержание неравенства и подчинение людей посредством тотального государственного контроля. Понятно, что правовая позиция авторов принуждает их к оправданию такого насилия, поскольку сам институт права является инструментом его реализации, даже если “правосудие больше не берет на себя публично ответственность за насилие, связанное с его отправлением... если оно продолжает карать, то не во славу собственной силы; насилие — его внутренний элемент, который ему приходится терпеть, но который ему трудно обосновать”⁷. Главным при этом остается то, что существенная часть социальной реальности предзадана уголовным правом, которое формирует совокупность актов, оцениваемых в качестве преступности или, напротив, не рассматривает в качестве преступлений некоторые крайне опасные для общества и индивидов деяния. Такой подход “имеет важное практическое значение для укрепления правопорядка в рамках принятого законодателем определения преступности”⁸, направленного на поддержание интересов определенных групп. Что касается проявлений современной бюрократии, то данное утверждение можно подвергнуть сомнению.

⁵ Баев В.Г., Лаврик Т.М., Марченко А.Н. “Дисциплинарная власть” Мишеля Фуко: размышления над книгой “Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы” // Современное право. 2017. № 10. С. 9–10.

⁶ Goode E. Op. cit. P. 77–79.

⁷ Фуко М. Указ. соч. С. 14.

⁸ Яковлев А.М. Социология преступности (криминология): основы общей теории. М., 2001. С. 3.

Бюрократия в своей основе имеет рациональное управление. Его рост и расширение обусловлены возрастанием сложности социальных систем, возникновением все новых, многочисленных и нелинейных, связей между подсистемами общества и их элементами. Возникает вопрос: почему рациональное управление не может подразумевать разработку, внедрение и поддержание функционирования компенсаторных механизмов, снимающих и/или смягчающих государственное насилие? Противостоять ему могли бы институты гражданского общества, союзы независимых экспертов, отдельные граждане, общественные движения. Следовательно, речь идет о необходимости создания (прежде всего, государством) условий для контроля со стороны общества за деятельностью институтов и субъектов рационально-бюрократического управления, а вовсе не о принципиальной невозможности существования других форм бюрократии в данной сфере. Сказанное одновременно подчеркивает необходимость обсуждения этих вопросов в теме социального контроля преступности и проведения исследований негативных институциональных эффектов, порождаемых профессиональными практиками агентов социального контроля.

Если в правовом дискурсе происходит оправдание и нормализация контроля и дисциплинирования, то во втором — с позиций контролологии — социальный контроль предстает как явление, имеющее определенные негативные последствия для индивидов и общества. Можно выделить несколько положений, систематизирующих и направляющих рассуждения представителей данного научного дискурса⁹:

- социальный контроль проблематичен и его не следует воспринимать как должное: он не возникает “естественно”, но сознательно формируется определяемыми организациями, группами, классами;
- социальный контроль является коэрцитивным (принудительным), репрессивным и далеко не “доброкачественным”: сколько бы ни старались агенты контроля сделать его привлекательным или просвещенным, он всегда проявляется как “железный кулак”;
- социальный контроль является либо полностью когерентным с государственным или похожим на него (state-like). Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что “ряд организаций, агентств и институтов выполняют функцию социального контроля, подчиняясь или служа государству”;

⁹ Goode E. Op. cit. P. 77–78.

- аппарат социального контроля унифицирован и когерентен: подсистемы контроля соединяются во взаимосвязанные функционально эквивалентные части, они “стали массовой сетью, посвященной наблюдению и наказанию отклонений”.

Таким образом, в контролολогической перспективе социальный контроль преступности и его механизмы представляют собой институт, дополняющий развернутую сеть “карцерного архипелага” и выполняющий функцию нормализации с применением средств дисциплинирования, не всегда имеющих правовой характер. Использование агентами контроля механизмов дисциплины и нормирования может создавать области, в которых происходит воспроизводство преступности. Наиболее продуктивно, с нашей точки зрения, критическое восприятие обеспечения безопасности в сфере социального контроля преступности разворачивается по двум вопросам: каковы (скрытые) цели контроля? и как можно оценивать предмет деятельности системы безопасности по вопросам “борьбы” с преступностью?

(Скрытые) цели контроля преступности и последствия для индивидов

Уголовное право очерчивает круг деяний, вызывающих или могущих вызвать ответную реакцию в виде наказания. Однако чрезмерная криминализация поведения и деятельности социальных акторов может привести к усилению нормирования и укреплению дисциплинирования, препятствующих саморазвитию общества и продуцированию переменных норм и способов поведения. Одновременно явное уклонение от криминализации опасных для общества деяний может способствовать нарушению социального порядка и создавать угрозы для безопасности жизнедеятельности социума. Так, исследование, проведенное D. Ellis и D. Whyte в 2016 г.¹⁰, показало, что имущие слои населения часто подвергают опасности рядовых граждан, но могут делать это безнаказанно, так как сами защищены от уголовного закона: хотя некоторые их преступления квалифицируются как уголовные или другие правонарушения, судопроизводство в отношении них либо вообще не ведется, либо ведется “лениво”. В любом случае относительно высокий статус правонарушителей (лиц, групп и/или организаций) с высокой степенью

¹⁰ Ellis D., Whyte D. Redefining criminality: public attitudes to corporate and individual offending (Briefing 16, July 2016). URL: www.crimeandjustice.org.uk (accessed: 14.07.2017).

вероятности защищает их действия от криминализации. Кроме того, результаты исследования подтверждают избирательность определения деяний как преступных в зависимости от статуса и наличия власти (политической, экономической, юридической и т.д.). Однако если фактически опасные деяния имущих не становятся предметом и объектом социального контроля, то такая ситуация создает благоприятное поле возможностей для проявления (негативных) функций данных (преступных) деяний¹¹. Постоянное воспроизводство опасного для общества поведения и его хабиитуализация ведет к изменению нормативно-ценностной системы общества (меняет местами полюса на шкале “норма — нарушение нормы”); закладывает фундамент для недолжной (патологичной) линии его развития, основанной на уничтожении понятия “справедливое правосудие”; создает основы дальнейшей эскалации преступности, поскольку “преступление возникает из интеракции индивида с его окружением. Из этой интеракции индивидуум выносит определенную антисоциальную тенденцию, которая может проявить себя через короткое время в определенной ситуации как фактор, мотивирующий к преступлению”¹². Тем самым, открываются большие возможности для реализации агрессии, интеграции преступных групп, дестабилизации общества, подрыва его устойчивого развития.

Главной (скрытой) целью избирательного социального контроля преступности является сегрегация, т.е. отделение лиц, совершивших преступление, от общей массы индивидов в обществе и объединение в группу, в отношении которой реализуется принцип поведенческой гомогенности как формы нормализации, построенной на специфических способах обхождения с представителями группы. Данная функция актуализируется в отношении индивидов, не имеющих достаточных ресурсов для получения своего рода иммунитета к воздействию социального контроля. Речь идет не только о тех, кто совершил тяжкие преступления, но и о других правонарушителях и лиц, осужденных невинно. В отношении богатых и власть имущих эта цель не преследуется. К ним “законы терпимы, а когда дело доходит до суда, они могут рассчитывать на снисходительность судей и сдержанность прессы”¹³. Власть имущие могут быть отнесены к се-

¹¹ См., напр.: Булаков В.Н., Волков Ю.Н., Сальников В.П. Политический режим и преступность. СПб., 2001. С. 128–131; Bussmann K.-D. Kriminalität als notwendiger Teil gesellschaftlicher Entwicklung // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 2000. 83. Jahrgang. Heft 4. S. 233–246.

¹² Schneider H.J. Kriminologie für das 21. Jahrhundert: Schwerpunkte und Fortschritte der internationalen Kriminologie; Überblick und Diskussion. Münster, 2001. S. 64.

¹³ Фуко М. Указ. соч. С. 352.

группированной группе только в том случае, если в силу определенных обстоятельств на их поступки или деятельность обратит внимание группа лиц, имеющая еще большие властные полномочия. Стоит отметить, что наличие власти и богатства также ведет к отделению, но оно добровольное и имеет другие качественные характеристики. Здесь социальный контроль играет скорее превентивную роль, принуждающую “просто играть по правилам”, установленным теми, кто формирует эти нормы и правила. Такое отделение можно назвать сепарацией, но в статье мы не будем на этом останавливаться.

Сегрегация может реализовываться разными способами, например, посредством:

- стигматизации в качестве группы риска представителей социальных групп с низким доходом и социальным статусом; распространение мифов об этих группах создает условия для продолжения стигматизации определенных видов поведения в качестве “преступных” или “девиантных” из поколения в поколение¹⁴;
- изменения акцентов при рассмотрении явлений, реально или потенциально опасных для социума (примером здесь может служить наделение уличной преступности статусом наиболее опасной, несмотря на то, что беловоротничковая преступность наносит гораздо больший экономический ущерб индивидам и обществу);
- разработки государственной концепции общественной безопасности, которая не всегда согласуется с интересами общества и правами граждан;
- социально-культурной виктимизации лиц, отбывших или отбывающих наказание; и т.д.

Актуализация принципа поведенческой гомогенности в отношении групп нарушителей норм уголовного права происходит по двум векторам. Первый имеет в виду применение норм не столько правового, сколько околоправового характера, профессиональные и бытовые практики обхождения с осужденными в учреждениях пенитенциарной системы, дисциплинирование с использованием пыточных методов, унижение человеческого достоинства и нарушение прав. После окончания срока заключения нормализация и дисциплинирование никуда не исчезают. Бывший заключенный остается в поле зрения правоохранительных органов и других институтов контроля, которые заботятся о сохранении им своего статуса “преступник”. Второй вектор подразумевает использова-

¹⁴ Bock M. Kriminologie. Für Studium und Praxis. 4. Auflage. München, 2013. S. 78.

ние стратегий, которые имеют целью возбуждение и поддержание у населения негативного отношения к индивидам, попавшим в группу сегрегированных. К таким стратегиям можно отнести: деформализацию (усиление неофициальных превентивных стратегий, направленных на контроль поведения бывших осужденных); проблематизация опасности, исходящей от индивидов с низким уровнем цивилизованности (*incivilities*); регулярное описание свойств определенных социальных групп, (*возможно!*) создающих риски; усиленную экспрессию выступлений заинтересованных лиц, которые при описании рисков преступности смещают акценты и говорят не об *уже установленных фактах*, а стараются вызвать у населения презрение к преступникам и тем самым усилить отрицательную оценку преступного поведения¹⁵; сокрытие информации о том, что реально происходит в тюрьмах и колониях.

Указанные способы сегрегации с последующей поведенческой гомогенизацией имеют негативные следствия как для общества, так и для индивидов. С одной стороны, они служат основанием (и идейным оправданием) для экспансии социального контроля на все стороны жизни социума, а с другой — выступают факторами риска воспроизводства преступности и других форм девиантности. Наибольшую опасность представляет социально-культурная виктимизация лиц, совершивших преступление. В самом общем виде она предполагает использование таких стратегий и действий виктимизирующих социальных субъектов, которые ведут к рассмотрению виктимизируемых как менее ценных, нежизнеспособных и несостоятельных. Тем самым виктимизирующие нацелены на сохранение доминанты собственной группы, определяющей их социальную идентичность и особую ценность. Виктимизация может осуществляться в социальных институтах и организациях. Индивиды, являющиеся объектом контроля организаций/учреждений и/или обращающиеся в них, чувствуют себя бесправными, поскольку не могут принимать решения, от которых зависит их судьба¹⁶. Этому виду виктимизации при рассмотрении контроля преступности уделяется особое внимание.

К сожалению, изучение социально-культурной виктимизации лиц, отбывающих и/или отбывших наказание, недостаточно распространено в отечественной социологии. Этому могут быть разные причины: сложность темы и ее недооценка для общества,

¹⁵ Klimke D. Wach- & Schliessgesellschaft Deutschland: Sicherheitsmentalitäten in der Spätmoderne. Wiesbaden, 2008. S. 22–23.

¹⁶ Schneider H. J. Op. cit. S. 64–69.

психологический дискомфорт при изучении данной темы, недостаток информации, необходимость работать с труднодоступными группами населения и т.д. Вместе с тем некоторые сведения все же становятся достоянием гласности.

Так, по данным журналистских исследований, сегрегация и дисциплинирование лиц, взятых под стражу, начинается с момента ареста, когда к ним применяют пытки, издевательства и унижения. Эти методы работы с подозреваемыми становятся одной из главных причин самоубийств. Так, в 2015 г. в СИЗО с жизнью свел 141 человек (на 20% больше, чем в предыдущий год), а в ИВС — изоляторах временного содержания — в том же году 53 человека совершили самоубийства¹⁷.

В СИЗО и колониях заключенные содержатся в холодных помещениях, ведущих к осложнению хронических заболеваний или возникновению новых. При этом сами заболевания можно достаточно легко вылечить, но медицинская помощь либо не оказывается, либо оказывается недостаточно. По данным ФСИН, только в 2015 г. от болезней и их осложнений умерло 3230 заключенных¹⁸. Особую проблему представляет лечение ВИЧ и туберкулеза: в «пенитенциарных учреждениях России каждый 10-й мужчина и каждая 5-я женщина являются ВИЧ-положительными, за год более 10% ВИЧ-положительных проходят через систему ФСИН, только половина из них получает антиретровирусную терапию»¹⁹. Риск гибели от ВИЧ возрастает из-за туберкулеза. «Количество больных активной формой туберкулеза официально снижается, но все равно находится на уровне более 13 тысяч человек; в 2019 г. освобонилось чуть более 5 тысяч человек с этим заболеванием. Также среди заключенных распространены вирусные гепатиты В и С (более 53 тысяч состоящих на учете)»²⁰.

В колонии насилие начинается в карантинах, куда попадают прибывшие осужденные. Практики обхождения с новичками со стороны администрации ИК имеют целью полное подчинение людей, ломку их психики для профилактики нарушений режима в дальнейшем. Для этого проводят показательные мероприятия: выбирают человека, а затем его могут избить дубинками, а в крайнем случае — изнасиловать дубинкой/бутылкой/лопатой или опустить

¹⁷ Раскин А. Зэков в России бьют не по понятиям, а по закону. URL: <https://life.ru/p/898172> (дата обращения: 11.10.2020).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Рунова К. А. Тюремная медицина: принципы и кейсы для России / Под ред. К.Д. Титаева. СПб., 2020. Вып. 5. С. 36.

²⁰ Там же.

другим способом. Такое показательное унижение служит сигналом, что “с тобой могут сделать все что угодно”²¹.

Вообще, сексуальное насилие в СИЗО и ИК, следствием которого является “вторичная сегрегация”, — это особая и наименее доступная для изучения тема. В Уголовно-исполнительном кодексе указано, что заключенного, сообщающего о нахождении в небезопасных условиях, нужно поместить в более благоприятную обстановку. “Но тогда администрация должна выяснить, что произошло. Установить факты и, видимо, возбудить дело по 132 ст. УК РФ (насильственные действия сексуального характера). А дела не будет, ведь это ломает всю систему, всю иерархию, которую они контролируют и зачастую поддерживают”²². Особенно пострадает хозяйственная часть колонии, так как “опущенные” (или нейтрально — “отделенные”) по распоряжению завхоза карантина моют туалеты и другие грязные места во всей колонии, включая помещения администрации.

Потенциально “опустить” могут любого, особенно лиц определенных профессий (например, сантехник, гинеколог), деятельность которых связаны с “грязными” вещами, что служит своего рода оправданием насилия и тем самым облегчает “опущение”. Однако в рамках социально-культурной виктимизации важно то, что этот процесс зачастую поддерживается сотрудниками колоний, которые принимают в нем прямое или косвенное участие. Иногда они устраивают процедуру “опущения” под видеозапись, чтобы сломить волю непослушного и запугать его. В других случаях действия по унижению всячески поддерживаются и мотивируются для устранения “дефицита кадров для мытья туалетов”²³. Еще одной причиной служит желание получения денег, так как “откупиться — или использовать связи — в российских местах лишения свободы можно практически по любому поводу, включая попадание в низшую тюремную касту”²⁴. Получение денег или другой выгоды часто является главным мотивом противоправных действий некоторых сотрудников системы наказания. Например, до 2015 г. в исправительных учреждениях Красноярского края действовали так называемые “пресс-хаты”, куда «завозили всех неугодных лиц со всех регионов России, в том числе и из Москвы. Путем избиения, пыток, морального и психологического давления, добивались от них необходимых показаний, признаний

²¹ Челищева В., Романова О. Опущение грехов. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/08/86583-opuschenie-grehov> (дата обращения: 08.08.20).

²² Агафонов Л., Донскова Н. Изгои — 2. Сломанные люди. URL: <https://women-in-prison.ru/lgbt-2> (дата обращения: 10.10.2020).

²³ Челищева В., Романова О. Указ. соч.

²⁴ Там же.

и, конечно же, многозначных сумм. Это могли быть и “воровские авторитеты”, и крупные предприниматели»²⁵.

Виктимизация в пенитенциарных учреждениях призвана усилить сегрегацию, порождаемую социальным контролем преступности, и создать особый тип личности — девианта как «биографическую единицу, ядро “опасности”, род аномалии»²⁶, патологический объект. Сегрегация как составная часть наказания становится выгодным мероприятием, поскольку с экономической точки зрения она более рентабельна, чем исправление или реформирование общества с целью создания благоприятных условий жизнедеятельности людей в легитимном социальном пространстве. Она обеспечивает автоматический контроль за частью населения и предопределяет дальнейшее развитие жизненных траекторий лиц, совершивших преступление. Таким образом, сегрегация для них становится контролируемой и пожизненной, поскольку сам факт попадания в сегрегированную группу каждый раз подтверждается, а стигма укрепляется за счет использования разных мер, например, обязательного предоставления справки о несудимости при устройстве на работу. Помимо всего прочего, сегрегированная группа приобретает статус “внутреннего врага”, который используется для манипулирования общественным мнением с целью переключения внимания с вопросов, затрагивающих политическое и экономическое положение в обществе и проблем его изменения.

Оценки предмета деятельности системы безопасности в сфере “борьбы” с преступностью

В связи со значимостью и сложностью обеспечения безопасности при контроле преступности может возникнуть ряд проблем, делающих данную работу неэффективной. Дискуссии по этому вопросу связаны, прежде всего, с неопределенностью продукта, производимого системой безопасности, который зависит от предмета защиты. Поскольку уголовное право выступает как посредник в политике ограничения рисков, то в литературе широко обсуждается понятие “надежность”, дискутируемое в контексте выявления и оценки рисков преступности, а также средств обеспечения безопасности.

Криминологический анализ рисков безопасности вовсе не представляется таким надежным, как может казаться или как утверждают сотрудники правоохранительных органов, поскольку при выявлении рисков преступности часто основываются на субъективных профес-

²⁵ *Шарапов В.* Это место называют новым ГУЛАГом. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/07/20/pobeg/> (дата обращения: 10.08.2020).

²⁶ *Фуко М.* Указ. соч. С. 308.

сиональных оценках психиатров, экспертов по внутренней разведке и политических аналитиков. “Такие данные не становятся предметом научного исследования, а скорее заменяются профессиональной экспертизой и суждениями, т.е. вторичным анализом со стороны полиции, правоохранительных и судебных органов”²⁷. Следует также учитывать, что субъекты риска преступлений рефлексивны и склонны менять свое поведение для избегания преследования и ареста. Тем самым риски становятся еще менее очевидными и поддающимися исчислению. Особое место при расчете рисков занимает политическое вмешательство. Применительно к преступности оно имеет совсем другой характер, чем, например, политическое вмешательство в области генной инженерии или эпидемиологии. Стратегии, основанные на оценке риска преступности, встроены в очень напряженный контекст — в политику уголовного правосудия — и это обстоятельство является еще одним важным фактором, который дифференцирует использование категории риска в криминологии²⁸. С этим трудно не согласиться, так как общая политика уголовного права: ужесточение/смягчение уголовного преследования, криминализация/декриминализация разных видов поведения и деятельности индивидов, выбор концепции наказания, идеология оправдания государственного преследования и т.д. — все это существенно изменяет оценки рисков. Не следует сбрасывать со счетов и риски для репутации высокопоставленных чиновников и государственных служб, которые в силу занимаемой позиции в иерархии власти должны как-то реагировать на криминальную ситуацию. “Определение” рисков и проведение мероприятий в рамках уголовной политики может быть одним из способов оправдания их деятельности по охране порядка. Кроме того, в этом контексте важна роль СМИ, формирующих страхи перед преступностью и мифы о преступниках. Они подпитывают общественные дискуссии по поводу угроз. Вместе с тем данные рассуждения вовсе не означают, что “методология прогнозирования риска в области преступности является ненаучной: необходимо лишь указать на важность критического пересмотра требования о надежности в отношении профессиональных или клинических суждений”²⁹. В некоторых случаях, когда имеются количественные данные относительно каких-то групп, расчет рисков возможен. В частности, это касается насильственных преступников и лиц, совершивших преступления на сексуальной почве.

²⁷ Zedner L. Risiko, Sicherheit und Terrorismus: Drei Konzepte auf der Suche nach einer akademischen Disziplin // Kriminologisches Journal. 2012. 10. Beiheft. S. 31.

²⁸ Ibid. S. 32.

²⁹ Ibid. S. 33.

Понятие надежности распространяется и на средства обеспечения безопасности, которые в правовом государстве по идее должны быть правовыми. Проблема заключается в том, что полномасштабная (глобальная) ориентация на безопасность продуцирует после-превентивное уголовное право, подавляющее независимые подходы к пониманию безопасности. В своей идеально-типической форме подобного рода ориентация ведет к милитаризации внутренней безопасности³⁰ и использованию для ее поддержания неправовых мер. Криминологи выделяют, как минимум, следующие разновидности мер безопасности в сфере контроля преступности, применяемые государственными институтами вне правового поля: уничтожение предполагаемых особо опасных преступников, чье преступное поведение не установлено судом; как правило, лишение жизни невиновных людей “заодно” с опасными преступниками; лишение жизни либо здоровья людей, попросту неудобных государству; причинение от имени государства вреда преступникам, который назначается судом на основании их отрицательных личностных особенностей, а не совершенного ими преступления³¹. Складывается впечатление, что меры, направленные на противодействие преступности, ориентированы не на юридически допустимые, а на технические возможности системы уголовного преследования.

В свое время Н. Луман сформулировал вопрос: может ли кто-нибудь выявить разницу между пониманием рисков лицами, принимающими решения, и теми, кто пострадал или пострадает? Иначе говоря, является ли правильным предположение, что больше знаний, дискуссий и обсуждений рисков — “больше всего этого сделает что-то лучше или, по крайней мере, ничего не испортит?”³². Понимание и принятие риска означает, что мы контролируем наш контроль, как минимум, в двух моментах: знаем количество преступлений, совершенных за определенный период, и уверены в правомерности и результативности действий агентов контроля.

Что касается статистики преступности, то ни у кого не вызывает сомнения, что ею можно управлять и использовать как для успокоения, так и для устрашения населения с целью продвижения неких идеологем, включая идеологему общественной безопасности. Одной из практик, используемых для успокоения населения в рам-

³⁰ Albrecht P.-A. Kriminologie: Eine Grundlegung zum Strafrecht — 4., neu bearbeitete Auflage. München, 2010. S. 65.

³¹ См., например: Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии: Избранное. СПб., 2015. С. 329–330.

³² Luhmann N. Die Moral der Gesellschaft. Frankfurt a/M., 2008. S. 353.

ках идеологемы возрастающего благополучия в стране, является сокрытие истинного числа преступлений. По мнению экспертов и оценке ВНИИ Генпрокуратуры, “уровень фактической преступности более чем в восемь раз превышает уровень зарегистрированной”³³. Связано это не только с латентностью разных видов преступлений, но и с ее селекцией, например, по критерию принадлежности преступников к силовым структурам.

В последние годы для общественности стала более доступна официальная информация об уголовных делах в отношении правоохранителей и их коллег силовиков. Так, по данным Генпрокуратуры за 2017 г., на эту категорию граждан приходилось 12 тыс. совершенных преступлений, что составляет 1,07% от общего числа уголовных дел. При этом на сотрудников МВД приходилось почти треть (28,8%) преступлений, на представителей ФСИН — 8,3%, на службы судебных приставов — 6,9%³⁴. Однако нельзя уверенно сказать, что данная статистика освещает все преступления, особенно совершенные сотрудниками полиции и исправительных учреждений. Свидетельством этого служат и данные правозащитных организаций. По их сведениям, с 2013 по 2020 г. в Европейский суд по правам человека было подано более 4300 обращений заключенными, “которые утверждали, что условия их содержания в исправительных учреждениях являются бесчеловечными и унижающими достоинство”³⁵. Где-то речь идет о насилии со стороны таких же заключенных, где-то — о насилии со стороны персонала колоний, тюрем. По данным Следственного комитета (СКР), в России в период с 2015 по 2018 гг. возбуждено 148 уголовных дел об избыточном применении силы сотрудниками колоний и СИЗО. Однако число таких дел в 43,7 раза меньше числа жалоб на насилие в тюрьмах, которые поступили в СКР. Всего их поступило 6,5 тыс. При этом уголовные дела не возбуждались более чем в 30 регионах, хотя в большинстве число жалоб достигало нескольких десятков³⁶. Это “вынуждает делать вывод, что Следственный комитет как институт реагирования на пытки практически отсутствует”³⁷.

³³ Российские силовики ежегодно скрывают миллионы преступлений, считают криминологи. URL: <https://www.newsru.com/crime/19mar2015/crimestat2mcover.html> (дата обращения: 11.10.2020).

³⁴ Сергеев С. У правоохранителей стабильная преступность // Коммерсантъ. 2018. № 200. С. 6.

³⁵ Челищева В., Романова О. Указ. соч.

³⁶ Алехина М. СКР впервые раскрыл данные по делам о пытках в колониях и СИЗО. URL: <https://www/rbc.ru/society/02/12/2019/5de12fe99a79475fb2beadb6> (дата обращения: 01.10.2020).

³⁷ Там же.

Находясь в относительном благополучии и будучи на свободе, можно не обращать внимания на эти данные и даже найти оправдание для насилия, поскольку оно касается преступников, т.е. людей, которые сами виноваты в том, что находятся в таком положении. Но это слабое оправдание. И потому, что решение, вынесенное судом, не предусматривает дополнительно виктимизацию в местах отбывания наказания. И потому, что кроме преступников в тюрьму попадают и невинные лица. В России не ведется регулярной статистики невинно осужденных, однако только в 2014 г., по словам генпрокурора РФ, 14261 человек незаконно привлечен к уголовной ответственности, а 4,6 тыс. человек были незаконно арестованы и задержаны³⁸. Если к этому добавить, что шанс на оправдание в российском суде в 2019 г. не превышал 1%³⁹, а решения присяжных заседателей (они выносят оправдательные решения примерно в 10 раз чаще⁴⁰) в судах большей частью отменяются, то можно прийти к умозаключению, что “судьба обвиняемого в совершении преступления решается еще на этапе следствия”⁴¹, а суды не выполняют функцию независимого органа. Логика системы проста: “Если дело не доходит до суда, то это показатель отрицательного качества следствия. А если суд, получив дело, не сумел вынести обвинительный приговор, который устоял бы [в апелляционной инстанции], то это значит, что суд плохо работает”⁴². Ну а далее осужденных ожидают все ужасы отбывания наказания. Сказанное свидетельствует, что вопрос о виктимизации в тюрьме — не локальная проблема, она касается (реально или потенциально) каждого индивида.

Деятельность агентов системы безопасности превращает индивидов и группы индивидов в подчиненное средство исполнения определенных функций, лишая их права выбора, свободы и автономности. Произведенная таким образом делинквентность находится в движении к противозаконности, т.е. воспроизводит преступность, что создает перспективу для ее постоянного контроля, поддержания репрессивных уголовных институтов и укрепления механизмов

³⁸ Гамаюнов И. Человек на коленях. Кто остановит пыточный конвейер следствия, вынуждающий задержанных брать на себя чужую вину? // Литературная газета. 2014. № 19. С. 13.

³⁹ Верховный суд оценил ситуацию с оправдательными приговорами в России. URL: <https://ria.ru/20190925/1559101059.html> (дата обращения: 11.10.2020).

⁴⁰ Линделл Д., Алехина М., Серков Д., Тарасенко Е. 1 к 466: почему российские суды стали оправдывать еще реже. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/04/2018/5add539a79477ac3e23377> (дата обращения: 11.10.2020).

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

власти⁴³. Так, за восемь месяцев 2020 г. больше половины (59,3%) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления⁴⁴.

Если говорить в целом об обеспечении безопасности как декларированной цели (и предмета) деятельности агентов системы безопасности, то ситуация в первые месяцы 2020 г. выглядела следующим образом. Несмотря на режим само- и обязательной (в некоторых случаях) изоляции вследствие мировой пандемии, который создал естественные условия для понижения социальной активности, совершено на 0,9% преступлений больше, чем за аналогичный период прошлого года. Вырос удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений (с 24,5% в январе–августе 2019 г. до 27,4% за восемь месяцев 2020 г.), число преступлений, связанных с мошенничеством выросло на 32,2% (218,5 тыс.). В этом году на 76,7% увеличилось число преступлений с использованием информационных технологий (удельный вес вырос с 13,3% в январе–августе 2019 г. до 23,3%). «Половина таких преступлений (50,9%) относится к категориям тяжких и особо тяжких: 162,0 тыс. (+86,0%); больше половины (57,3%) совершается с использованием сети “Интернет”: 182,6 тыс. (+90,2%), почти половина (42,6%) — средств мобильной связи: 135,8 тыс. (+100,5%). Четыре таких преступления из пяти (81,6%) совершаются путем кражи или мошенничества: 259,8 тыс. (+85,0%), каждое двенадцатое (8,1%) — с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 25,7 тыс. (+60,8%)»⁴⁵. По данным МВД РФ, раскрыто на 3,3% (554,9 тыс.) преступлений меньше, чем за аналогичный период прошлого года⁴⁶. Приведенные официальные данные свидетельствуют, что потенциал современной системы социальной безопасности в сфере противодействия преступности невысок, что, возможно, вызвано переключением внимания агентов контроля на другие события, не входящие напрямую в компетенции правоохранительных органов.

Подводя итог, следует отметить, что контрологическая перспектива изучения социального контроля преступности нацеливает исследователя на критическое осмысление действующей системы обеспечения безопасности в сфере контроля преступности. Научные дискуссии, протекающие в данной перспективе, касаются двух основных аспектов. Во-первых, подвергается переосмыслению понятие преступности, которая не может ограничиваться правовым

⁴³ Фуко М. Указ. соч. С. 337–348.

⁴⁴ Состояние преступности в России за январь–август 2020 г. М., 2020. С. 6.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

конструированием нормы, но должна рассматриваться в аспекте реальной угрозы деяний для общества и индивидов. Обеспечение безопасности при этом должно быть связано с корректировкой объекта воздействия, т.е. перераспределением внимания между “уличной” и “беловоротничковой” преступностью, к которой относится деятельность лиц, имеющих ту или иную власть. Такой подход дает возможность для объяснения и предотвращения многих опасностей, ведущих к нестабильности социума. Во-вторых, контролologическая перспектива анализа предмета деятельности системы безопасности, позволяет оценить надежность определения рисков преступности и средств обеспечения безопасности. Государственная политика в области “борьбы” с преступностью зачастую грешит нарушением прав граждан, поэтому стратегии всеобъемлющего государственного контроля должны быть заменены “превентивным партнерством” разных агентов безопасности. В ситуации утраченного доверия общества к способности государства обеспечивать безопасность в сфере противодействия преступности поднимается вопрос о необходимости использования механизмов саморегуляции в виде участия общественности (*community involvement*), модели участия (*participatory models*), неформального правосудия (*informal justice*), ситуационного правосудия (*situational justice*). “Эти формы выражения саморегуляции имеют связь с дискуссиями об альтернативе для уголовной юстиции и гарантиях прав всех, кого это касается”⁴⁷. Тем самым они работают на понижение уровня нормализации и дисциплинирования в обществе, а также на ослабление властных притязаний государства в области контроля поведения людей и наказания преступников. Потребность в широком научном и общественном обсуждении данного вопроса назрела давно, однако, для его реализации необходимо проявление готовности и согласия со стороны различных социальных агентов, и в первую очередь — политиков и государственных чиновников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агафонов Л., Донскова Н. Изгой–2. Сломанные люди. URL: <https://women-in-prison.ru/lgbt-2> (дата обращения: 10.10.2020).

Алехина М. СКР впервые раскрыл данные по делам о пытках в колониях и СИЗО. URL: <https://www/rbc.ru/society/02/12/2019/5de12fe99a79475fb2beadb6> (дата обращения: 01.10.2020).

Баев В.Г., Лаврик Т.М., Марченко А.Н. “Дисциплинарная власть” Мишеля Фуко: размышления над книгой “Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы” // Современное право. 2017. № 10. С. 5–10.

⁴⁷ Jung H. *Kriminalsoziologie*–2., neu bearbeitete Auflage. Baden-Baden, 2007. S. 27.

Бурлаков В.Н., Волков Ю.Н., Сальников В.П. Политический режим и преступность. СПб., 2001.

Верховный суд оценил ситуацию с оправдательными приговорами в России. URL: <https://ria.ru/20190925/1559101059.html> (дата обращения: 11.10.2020).

Гамаюнов И. Человек на коленях. Кто остановит пыточный конвейер следствия, вынуждающий задержанных брать на себя чужую вину? // Литературная газета. 2014. № 19.

Кристи Н. Опасные государства (опасные режимы) // Политический режим и преступность. СПб., 2001. С. 22–38.

Линделл Д., Алехина М., Серков Д., Тарасенко Е. 1 к 466: почему российские суды стали оправдывать еще реже. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377> (дата обращения: 11.10.2020).

Преступность по данным Росстата. URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost/#i-2> (дата обращения: 11.10.2020).

Раскин А. Зэков в России бьют не по понятиям, а по закону. URL: <https://life.ru/p/898172> (дата обращения: 11.10.2020).

Российские силовики ежегодно скрывают миллионы преступлений, считают криминологи. URL: <https://www.newsru.com/crime/19mar2015/crimestat2mcover.html> (дата обращения: 11.10.2020).

Рунова К.А. Тюремная медицина: принципы и кейсы для России / Под ред. К.Д. Титаева. СПб., 2020. Вып. 5.

Сергеев С. У правоохранителей стабильная преступность // Коммерсантъ. 2018. № 200.

Состояние преступности в России за январь–август 2020 г. М., 2020.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 2018.

Челищева В., Романова О. Опускание грехов. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/08/86583-opuschenie-grehov> (дата обращения: 08.08.2020).

Шарапов В. Это место называют новым ГУЛАГом. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/07/20/pobeg/> (дата обращения: 10.08.2020).

Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии: Избранное. СПб., 2015.

Яковлев А.М. Социология преступности (криминология): Основы общей теории. М., 2001.

REFERENCES

Agafonov L., Donskova N. Izgoi–2. Slomannye lyudi [Outcasts–2. Broken people]. URL: <https://women-in-prison.ru/lgbt-2> (accessed: 10.10.20) (in Russian).

Albrecht P.-A. Kriminologie: Eine Grundlegung zum Strafrecht–4., neu bearbeitete Auflage. München, 2010.

Alekhina M. SKR vpervye raskryl dannye po delam o pytkakh v koloniyakh i SIZO [Investigative Committee of the Russian Federation for the first time disclosed data on cases of torture in colonies and pre-trial detention centers]. URL: <https://www.rbc.ru/society/02/12/2019/5de12fe99a79475fb2beadb6> (accessed: 01.10.20) (in Russian).

Baev V.G., Lavrik T.M., Marchenko A.N. “Disciplinarnaya vlast” Mishelya Fuko: razmyshleniya nad knigoy “Nadzirat’ i nakazyvat’. Rozhdenie tyur’m” [“Disciplinary power” by Michel Foucault: reflections on the book “to Supervise and punish. The birth of prison”] // Sovremennoe pravo. 2017. N 10 (in Russian).

- Bock M.* Kriminologie. Für Studium und Praxis. 4. Auflage. München, 2013.
- Burlakov V.N., Volkov YU.N., Sal'nikov V.P.* Politicheskij rezhim i prestupnost' [Political regime and crime]. SPb., 2001 (in Russian).
- Busmann K.-D.* Kriminalität als notwendiger Teil gesellschaftlicher Entwicklung // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 2000. 83. Jahrgang. Heft 4. S. 233–246.
- Chelishcheva V., Romanova O.* Opushchenie grekhov [Constant rape in prison]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/08/86583-opuschenie-grehov> (accessed: 08.08.2020) (in Russian).
- Ellis D., Whyte D.* Redefining criminality: public attitudes to corporate and individual offending (Briefing 16, July 2016). URL: www.crimeandjustice.org.uk (accessed: 14.07.2017).
- Foucault M.* Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Discipline and punish. The birth of prison]. M., 2018 (in Russian).
- Gamayunov I.* Chelovek na kolenyakh. Kto ostanovit pytochnyi konveier sledstviya, vynuzhdayushchii zaderzhannykh brat' na sebya chuzhuyu vinu? [A person on his knees. Who will stop the torture conveyor of the investigation, forcing the detainees to take on the blame of others?] // Literaturnaya gazeta. 2014. N 19 (in Russian).
- Garland D.* The culture of control, crime and social order in contemporary society. Chicago; Oxford, 2001.
- Goode E.* Deviant behavior. N.Y., 2016.
- Jung H.* Kriminalsoziologie–2., neu bearbeitete Auflage. Baden-Baden, 2007.
- Klimke D.* Wach- & Schliessgesellschaft Deutschland: Sicherheitsmentalitäten in der Spätmoderne. Wiesbaden, 2008.
- Kristi N.* Opasnye gosudarstva (opasnye rezhimy) [Dangerous States (Dangerous Regimes)] // Politicheskii rezhim i prestupnost'. SPb., 2001. P. 22–38 (in Russian).
- Lindell D., Alekhina M., Serkov D., Tarasenko E.* 1 k 466: pochemu rossiiskie sudy stali opravdyvat' eshche rezhe [1 in 466: why Russian courts have become less acquitted]. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377> (accessed: 11.10.2020) (in Russian).
- Luhmann N.* Die Moral der Gesellschaft. Frankfurt a/M., 2008.
- Prestupnost' po dannym Rosstata* [Crime according to Rosstat]. URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost/#i-2> (accessed: 11.10.2020) (in Russian).
- Raskin A.* Zekov v Rossii b'yut ne po ponyatiyam, a po zakonu [Convicts in Russia are beaten not according to concepts, but according to the law]. URL: <https://life.ru/p/898172> (accessed: 11.10.2020) (in Russian).
- Rossiiskie siloviki ezhegodno skryvayut milliony prestuplenii, schitayut kriminologi [Russian security officials hide millions of crimes every year, criminologists say]. URL: <https://www.newsru.com/crime/19mar2015/crimestat2mcover.html> (accessed: 11.10.2020) (in Russian).
- Runova K.A.* Tyuremnaya meditsina: printsipy i keisy dlya Rossii [Prison Medicine: Principles and Cases for Russia] / Pod red. K.D. Titaeva. SPb., 2020 (in Russian).
- Schneider H.J.* Kriminologie für das 21. Jahrhundert: Schwerpunkte und Fortschritte der internationalen Kriminologie; Überblick und Diskussion. Münster, 2001.
- Sergeev S.* U pravookhranitelei stabil'naya prestupnost' [Law enforcement has a stable crime] // Kommersant". 2018. N 200 (in Russian).

Sharapov V. Eto mesto nazyvayut novym GULAGom [This place is called the new GULAG]. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/07/20/pobeg/> (accessed: 10.08.20) (in Russian).

Shestakov D.A. Teoriya prestupnosti i osnovy otraslevoj kriminologii: Izbrannoe [Theory of crime and basics of branch criminology: selected]. SPb., 2015 (in Russian).

Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–avgust 2020 g. [The state of crime in Russia for January–August 2020]. M., 2020 (in Russian).

Yakovlev A.M. Sociologiya prestupnosti (kriminologiya): Osnovy obshchej teorii [Sociology of crime (Criminology): Fundamentals of General theory]. M., 2001 (in Russian).

Verkhovnyi sud otsenil situatsiyu s opravdatel'nymi prigovorami v Rossii [The Supreme Court assessed the situation with acquittals in Russia]. URL: <https://ria.ru/20190925/1559101059.html> (accessed: 11.10.2020) (in Russian).

Zedner L. Risiko, Sicherheit und Terrorismus: Drei Konzepte auf der Suche nach einer akademischen Disziplin // Kriminologisches Journal. 2012. N 10. Beiheft. S. 10–46.